

Экспедиции П.А. Мельникова в предгорья Алтая 1733–1734 гг. в контексте формирования российской государственной границы в Верхнем Обь-Иртыше¹

Публикация посвящена частному сюжету – экспедициям кузнецкого дворянина П.А. Мельникова 1733–1734 гг. в Верхнее Обь-Иртышье в контексте более широкой проблемы генезиса государственной границы России в регионе. Впервые в исторической науке на документальной основе доказывается существование двух экспедиций (1733 и 1734 гг. соответственно), реконструируются целевые установки и конкретно-исторические обстоятельства поездок в предгорья Алтая, выявляются факторы, препятствовавшие осуществлению экспедиций в намеченные сроки. Автор критически анализирует положения составленного по результатам второй поездки документа – «Реэстра» и приходит к выводу о слабой степени достоверности полученных П.А. Мельниковым результатов.

Ключевые слова: Российская империя, государственная граница, П.А. Мельников, ясачные волости, Кузнецкий уезд, Верхнее Обь-Иртышье (Алтай), Телецкое озеро, Джунгарское ханство.

В современной отечественной исторической науке все большую актуальность приобретает проблематика присоединения окраинных территорий и их освоения. Выстраиваемая исследовательская парадигма базируется на изучении нескольких сопрягаемых процессов: проникновения на осваиваемую территорию русского населения, основания военно-инженерных объектов, специфики внедрения административно-управленческой иерархии. Однако системообразующую роль при реконструкции государственной политики освоения приобретает пространственная модель региона, а в приграничных областях – государственная граница как фактически единственное рациональное средство обрамления пространства.

Генезис имперской государственности в России в первой четверти XVIII в. связан не только с протеканием гетерогенных процессов в среде политической элиты и с проведением достаточно агрессивной внешней политики на западном направлении, но и активной колонизацией Западной Сибири. Едва ли не ключевым для имперского освоения районом в этот период стало междуречье крупных сибирских рек Оби и Иртыша, то есть Верхнее Обь-Иртышье. Проблема формирования и институционализации государственной границы (лимогенеза) России в регионе на протяжении всей первой половины XVIII в. не сходилась с повестки дня административной элиты.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-22005.

Вопросы установления российской границы на юге Западной Сибири долгое время не являлись предметом самостоятельного рассмотрения в сибиреведческой литературе. Вплоть до рубежа веков аспекты лимогенеза в научных трудах затрагивались косвенно, в контексте крестьянской колонизации², взаимоотношений русского населения с телеутами³, русско-джунгарских дипломатических контактов⁴ или проблемы «двоеданичества»⁵. Только в последнее десятилетие обозначилась тенденция активизации исследовательского интереса к проблематике государственных рубежей: появился целый ряд работ В.Б. Бородаева и А.В. Контева⁶, И.Р. Соколовского⁷, О.В. Боронина⁸, Д.С. Боброва⁹, напрямую посвященных детальному воссозданию отдельных сюжетов генезиса государственной границы России в Верхнем Обь-Иртышье. В этих трудах предпринята попытка рассмотрения связанных с лимогенезом макроуровневых тенденций и процессов, что, однако, не снимает с повестки дня задачу реконструкции частных аспектов, потенциально способных представить динамику политического курса России или Джунгарского ханства.

Фундаментальным положением, на котором в первой половине XVIII в. держалась архитектура политики российской стороны в вопросе государственной границы, являлось отсутствие делимитированной границы¹⁰ между странами. Незавершенность процедуры делимитации и слабый уровень информированности российских властей о состоянии приграничной зоны при-

² Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 5–19.

³ Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980. С. 136–186.

⁴ Моисеев В.А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул, 1998; Кушнерик Р.А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. С. 13–14, 17–18, 20–21.

⁵ Боронин О.В. Двоеданичество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002. С. 144–160.

⁶ Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул, 2015. С. 89–359; Контев А.В. Формирование российско-джунгарской границы в первой трети XVIII в. // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011. С. 99–111.

⁷ Соколовский И.Р. Административно-территориальное деление Верхнего Прииртышья в XVII – начале XXI в.: опыт исторического картографирования // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX вв. Новосибирск, 2011. С. 18–23.

⁸ Боронин О.В. Погранично-территориальный вопрос в российско-джунгарских отношениях первой половины XVIII в.: теоретический аспект // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул, 2004. Вып. 4. С. 25–33.

⁹ Бобров Д.С. Стратегическая государственная граница Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4. С. 635–639; Бобров Д.С., Соболева Т.Н. Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/2. С. 34–41.

¹⁰ Более подробно о феномене делимитации и режимах установления государственной границы см.: Дмитриева С.И. Лимология. Воронеж, 2008. С. 23–25, 89.

вели к возникновению нескольких политико-географических образов границы как совокупностей ярких характерных символов и ключевых представлений, описывающих реальные географические пространства¹¹. Применительно к первой половине XVIII в. следует выделить три соответствующих образа или парадигмы восприятия границы. Прежде всего, это официально-дипломатическое понимание, сводившееся к обоснованию суверенных прав России на всю территорию Верхнего Обь-Иртышья вплоть до озера Зайсан. Другой формат восприятия государственных рубежей связан с фактическим пределом административной юрисдикции имперских властных учреждений в регионе (крепости Иртышской линии и Бикатунская с прилегавшими к ним пространствами). Третья, картографическая парадигма границы, реализовывалась в создании специфической картографической проекции приграничного пространства, содержание которой могло не соотноситься с другими двумя аспектами¹².

В первой четверти XVIII в. отсутствие делимитации границ и эклектика политико-географических образов была на руку российской центральной власти, так как «безграничная граница»¹³ в полной мере соответствовала планам Петра I по дальнейшему продвижению в Центральную Азию¹⁴. Однако изменение состава политической элиты и активизация русско-джунгарского противоборства в Верхнем Обь-Иртышье на исходе первой трети XVIII в. поставили перед российскими властями вопрос о выработке обновленной политической модели.

В этих условиях региональная администрация избрала курс на одностороннее установление государственной границы на широком участке от Телецкого озера до Иртыша. Однако даже такой вариант своего рода односторонней «делимитации» оказался невозможным без получения достоверных сведений о наиболее рациональном проведении линии границы. Обозначенные обстоятельства детерминировали инициирование губернаторской властью экспедиции в предгорья Алтая.

15 сентября 1733 г. сибирский губернатор А.Л. Плещеев направил в Кузнецкий и Красноярский уезды указ, предполагавший начало осуществления комплекса мероприятий по разработке наиболее приемлемого варианта прохождения линии российской государственной границы в Иртышско-Енисейском междуречье¹⁵. Руководителем такой экспедиции в каждой из административных единиц априори мог стать только человек, обладавший исключительным управленческим авторитетом. Не решившись довериться в столь ответственном деле

¹¹ *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006. С. 93.

¹² *Бобров Д.С., Соболева Т.Н.* Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/2. С. 35.

¹³ *Там же.* С. 36.

¹⁴ *Бородаев В.Б., Контев А.В.* Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул, 2015. С. 114, 116.

¹⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 43–44.

кузнецкому воеводе А.Ф. Бартеневу, А.Л. Плещеев в качестве приоритетной кандидатуры указал дворянина Петра Алексеевича Мельникова, занимавшего должность кузнецкого воеводы в 1732 г.¹⁶ и нередко привлекавшегося региональной властью для исполнения поручений, обладавших особой значимостью¹⁷.

Перед П.А. Мельниковым возникла непростая задача: на обширном пространстве от Телецкого озера до Усть-Каменогорской крепости «осмотреть же по которым урочищам и рекам и протчим надлежит быть российского владения границе калмыцкого владелца Галдан Чирина»¹⁸. Кроме того, в указе нашли отражение оформлявшиеся уже в начале 20-х годов XVIII в. тенденции к установлению «искусственной» границы¹⁹. П.А. Мельникову строго предписывалось «смотреть того накрепко, чтоб колывановоскресенские демидова заводы и пограничныя ясашныя волости и с прилежащими звериными промыслы ... и хотя которые Ея Императорского Величества ясак калмыцкому владелцу алман платят ... были б во владении российском»²⁰. Иными словами, перед дворянином стояла задача, с одной стороны, детально обследовать приграничную зону, с другой, зафиксировать результаты таким образом, чтобы формально не «отрезать» от территории России административные объекты, имевшие стратегическое значение для имперских властей, а контуры предполагаемой границы не противоречили устоявшейся доктрине, транслировавшейся региональной элитой джунгарской стороне.

А.Ф. Бартенев оказался в не менее сложной ситуации, поскольку из Тобольска в Кузнецк указ был доставлен лишь 22 октября 1733 г., а уже к концу декабря региональная администрация требовала от воеводы и П.А. Мельникова завершить экспедицию и представить подробный отчет с сопроводительным чертежом. Планы губернской канцелярии носили откровенно иллюзорный характер и не отвечали реалиям местности, поскольку не предусматривали времени на разработку маршрута, а также не учитывали трудностей передвижения по предгорьям в осенне-зимний период. Инструкция, составленная в кратчайшие сроки, не отличалась оригинальностью и практически полностью пересказывала распоряжение губернатора. Воевода лишь дополнительно предостерег П.А. Мельникова «в ясашных волостях и в протчих местах обид и

¹⁶ Усков И.Ю. Город Кузнецк в XVIII в.: организация местного управления и структура населения // V Исторические чтения Томского государственного педагогического университета. Томск, 2014. С. 21.

¹⁷ Помимо экспедиций 1733–1734 гг. П.А. Мельников был привлечен к составлению карты спорных двоеданных волостей в Верхнем Обь-Иртыше в конце 30-х гг. XVIII в. см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 317.

¹⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 43.

¹⁹ Более подробно об «искусственности» государственной границы см.: *Бобров Д.С., Соболева Т.Н.* Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/2. С. 40.

²⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 43об.

расорения отнюд никому не чинит»²¹. Методика сбора информации являлась традиционной для первой половины XVIII столетия: предполагалось, что П.А. Мельников должен лично объехать всю приграничную зону, посетить ключевые реки, ясачные волости и урочища и на основе собственных наблюдений, а также расспросов местных жителей составить описание границы.

Изначально экспедиция П.А. Мельникова 1733 г. должна была состоять всего лишь из четырех человек: самого дворянина, переводчика А. Носкова и двух служилых людей. Однако еще до отправления из Кузнецка руководитель поездки в своем доношении потребовал, во-первых, заменить толмача, поскольку тот «во оных местах и урочищах не бывал»; во-вторых, увеличить количество сопровождающих служилых людей с двух до десяти. Воевода лишь частично удовлетворил соответствующее прошение, в общей сложности направив для сопровождения 4 рядовых служилых людей и подьячего А. Буткеева.

Выступив из Кузнецка 14 ноября 1733 г., П.А. Мельников достиг приграничной Белтирской волости только 11 декабря. Из коллективных «сказок» ему удалось установить, что местные жители считали в качестве границы условную линию от Абакана через систему хребтов на реку Чулышман. Буквально за день оценив обстановку, дворянин рапортовал А.Ф. Бартеневу о невозможности продолжения экспедиции в 1733 г. на том основании, что «нынешним зимним временем протыти невозможно понеже в тех урочищах путь ... непроходим токмо в мае месяце на лошedah проехать возможно»²². Но не только это смутило руководителя экспедиции. Дальнейший маршрут должен был пролегать как раз через горные хребты в район Чулышмана, а оттуда в междуречье Бии и Катуня, но все жители Белтирской и Сагайской волостей единодушно утверждали, что не знают дальнейшей дороги, что, естественно, являлось откровенной ложью.

П.А. Мельников оказался в своеобразной ловушке. Находясь в предгорьях, он, с одной стороны, понимал отсутствие физической возможности продвинуться в район Чулышмана, с другой – осознавал все сложности, с которыми придется столкнуться при возвращении в Кузнецк, о чем писал А.Ф. Бартеневу: «А меня нижайшего до летнего времени бес полученного ... из губернии указу за опасением штрафа возвратит опасно»²³.

Тем не менее, в начале 1734 г. экспедиция вернулась в Кузнецк. Губернская канцелярия, откровенно недовольная задержками в составлении описания границы, стремилась всячески форсировать повторную отправку дворянина. Сам П.А. Мельников предполагал дожидаться мая и всячески затягивал начало новой экспедиции²⁴.

Лишь в конце апреля 1734 г. П.А. Мельников покинул Кузнецк, а уже 9 августа 1734 г. представил воеводе А.Ф. Бартеневу итог работы своей экс-

²¹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 47об.

²² РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 65

²³ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 69.

²⁴ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 83.

педиции – «Реэстр пограничным урочищам и рекам и протчим признакам»²⁵. Впервые документ был опубликован Л.П. Потаповым без идентифицирующих реквизитов и каких-либо пояснений. «Реэстр» представляет собой последовательное перечисление гидрографических объектов (рек, озер), горных хребтов и ясачных волостей в приграничной зоне Верхнего Обь-Иртышья.

Положения «Реэстра» относительно отдельных локальных зон представляются особо значимыми. Прежде всего, по версии П.А. Мельникова, граница между Россией и Джунгарским ханством должна была проходить не по северной оконечности Телецкого озера, а по руслу Чулышмана и далее по элементам его водного бассейна: рекам Чульче, Башкаусу, Чебдару, Карагану²⁶. Маркирование границы подобным образом создавало в районе к югу от Телецкого озера своеобразную «петлю», потенциально позволявшую закрепить за Россией целый ряд инородческих волостей.

Далее, П.А. Мельников предполагал, что граница должна проходить через реки Уймень, пересекать Катунь, образуя плавный изгиб за счет перехода с правого притока Соузги на левый – Сему. В «Реэстре» напрямую указано, что соответствующий контур детерминирован необходимостью легализации отнесения к России двоеданных волостей нижнего течения Катуни²⁷.

Описывая предполагаемую границу в Обь-Иртышском междуречье, П.А. Мельников слишком буквально воспринял губернаторское предписание оставить Колыванский завод А. Демидова в пределах России: по версии дворянина, рубеж должен был проходить по озерам Белому и Колывани, затем уходить на речку Каменку, а от нее, минуя Алей, достигать Убы²⁸. Гидрографические объекты Белое и Колывань являлись географическим центром зарождавшегося Колывано-Воскресенского комплекса, и проведение границы вплотную к Колыванскому заводу значительно повышало бы и без того существенный уровень угрозы набегов и разорения предприятия со стороны джунгар. Более того, производство оказывалось бы фактически отрезанным от рудной базы на юге, а сам комплекс лишался бы существенного потенциала к расширению. Это демонстрирует слабый уровень осведомленности П.А. Мельникова о состоянии дел в междуречье Чарыша и Алея, практически полное отсутствие коммуникации с Колыванской конторой и приказчиком, хотя предварительно А.Ф. Бартев весной 1734 г. направил управленцам Колыванского завода бумагу с требованием оказать экспедиции всяческое содействие (в том числе и информационное).

Несмотря на несомненную оригинальность и во многом даже исключительность представленных П.А. Мельниковым данных, существует целый ряд обстоятельств, ставящих под сомнение их достоверность. Во введении, сопровождавшем итоговый документ, дворянин категорически утверждал, что «свидетельствовал, описал и учинил чертеж», достиг Иртыша и Усть-Каменогорской

²⁵ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 88об.–91об.

²⁶ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 88об.–89.

²⁷ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 89–89об.

²⁸ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 90–91.

крепости²⁹. В своих доношениях конца апреля 1734 г. П.А. Мельников, находясь еще в Кузнецке, четко обозначил две проблемы, вставшие перед экспедицией на второй год. Во-первых, в среде кузнецких служилых людей отсутствовал проводник, хорошо знавший местность от Чулышмана до Кольвано-Воскресенского комплекса, а дворянин опасался повторного саботирования сопровождения группы со стороны инородцев: «ехат пути ни единой не знают [служилые люди – Д.Б.] да и не токмо оныя но и кузнецкого ведомства Сагайской и Белтирской волостей ... иноземцы пути не ведают»³⁰. Во-вторых, П.А. Мельников требовал от А.Ф. Бартенева заменить подьячего (на него, исходя из инструкции и всей документации экспедиции, ложилась задача составления чертежа), утверждая, что тот «мало писать имеющий». Однако в этом дворянину было категорически отказано.

Таким образом, при отсутствии осведомленного проводника и с «полуграмотным» подьячим П.А. Мельников сумел составить описание границы примерно за три месяца (фактически с мая по начало августа 1734 г.), то есть, отбыв из Кузнецка, проехать по достаточно протяженному маршруту от Белтирской и Сагайской волостей до Усть-Каменогорской крепости и вернуться обратно в Кузнецк. При этом в 1733 г. только на то, чтобы добраться до двух волостей на границе с Красноярским уездом, П.А. Мельников потратил 27 дней. Кроме того, начиная с губернаторского сентябрьского указа 1733 г. и вплоть до конца апреля 1734 г., документирован практически каждый шаг и каждое требование П.А. Мельникова. После отбытия из Кузнецка в конце апреля 1734 г., кроме «мнения», где дворянин кратко пересказал изначально полученную инструкцию, и непосредственно «Реэстра», в деле нет никаких других материалов. Руководитель экспедиции не сообщил какой-либо информации о прохождении своего маршрута и о том, когда он достиг ключевых объектов: Кольванского завода, Усть-Каменогорской крепости. Видимо, П.А. Мельников, не имея достаточных сведений о предстоящем маршруте и находясь под серьезным давлением со стороны губернатора и воеводы, торопившими его отъезд из Кузнецка, посетил лишь хорошо знакомые кузнецким служилым людям «районы» Верхнего Обь-Иртышья, а остальную информацию домыслил или почерпнул из недостоверных источников. Это косвенно согласуется с мнением составлявшего в 1742–1743 гг. описание Кузнецкого уезда геодезиста И.И. Шишкова, который отметил, что «описана [П.А. Мельниковым – Д.Б.] разные урочищи, реки и речки, горы, волости и протчие которые весьма не обстоятельны ... а других таких и званием не имеется»³¹.

Тем не менее, результаты, представленные П.А. Мельниковым, составили эмпирическую основу в своем роде исключительной попытки установления государственной границы России в Верхнем Обь-Иртышье. Несмотря на то что «Реэстр» не стал документальной базой для оконча-

²⁹ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 87.

³⁰ РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 46. Л. 82об.

³¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 21. Оп. 5. Д. 150. Л. 53об.–54.

тельной демаркации и легализации рубежей с Джунгарией, а также не утвердился прочно в административном дискурсе российских властей, отдельные его положения (включение Телецкого озера в состав России, пересечение Катуня в районе Семы) согласовывались или стали основой для картографической фиксации линии государственной границы России на региональных и общероссийских картах середины 30-х – 40-х гг. XVIII в.

Библиография

- Бобров Д.С.* Стратегическая государственная граница Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4. С. 635–639.
- Бобров Д.С., Соболева Т.Н.* Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/2. С. 34–41.
- Бородаев В.Б., Контев А.В.* Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул, 2015. 416 с.
- Боронин О.В.* Двоеданничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX в. Барнаул, 2002. 220 с.
- Боронин О.В.* Погранично-территориальный вопрос в российско-джунгарских отношениях первой половины XVIII в.: теоретический аспект // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул, 2004. Вып. 4. С. 25–33.
- Булыгин Ю.С.* Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. 144 с.
- Дмитриева С.И.* Лимнология. Воронеж, 2008. 112 с.
- Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006. 488 с.
- Контев А.В.* Формирование российско-джунгарской границы в первой трети XVIII в. // Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011. С. 99–111.
- Кушнерик Р.А.* Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 23 с.
- Моисеев В.А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. Барнаул, 1998. 174 с.
- Потапов Л.П.* Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933. 203 с.
- Соколовский И.Р.* Административно-территориальное деление Верхнего Прииртышья в XVII – начале XXI в.: опыт исторического картографирования // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX вв. Новосибирск, 2011. С. 18–23.
- Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980. 296 с.
- Усков И.Ю.* Город Кузнецк в XVIII в.: организация местного управления и структура населения // V Исторические чтения Томского государственного педагогического университета. Томск, 2014. С. 19–27.